

**ОБРАЗЫ ЖИТЕЛЕЙ ЕВРЕЙСКОГО МЕСТЕЧКА
В ГРАВЮРАХ СОЛОМОНА ЮДОВИНА
И МОИСЕЯ ФРАДКИНА**

Котляр Е.Р., аспирант

Харьковская государственная академия дизайна и искусств

Аннотация. В статье рассматривается историко-культурное понятие «еврейское местечко», определен круг его типажей, выявлено сходство и различие в восприятии и художественной трактовке образов жителей местечка – шtetла на основе сравнительного анализа графических работ С. Юдовина и М. Фрадкина.

Ключевые слова: еврейское местечко, графика С. Юдовина и М. Фрадкина, традиционные типажы и образы шtetла, галут и геула, ксилография, линогравюра.

Анотація. Котляр О.Р. **Образы мешканців єврейського містечка у гравюрах Соломона Юдовіна і Мойсея Фрадкіна.** У статті розглядається історико-культурне поняття «єврейське містечко», визначено коло його типажів, виявлено схожість та відмінність у сприйнятті та художній трактовці образів мешканців містечка – шtetла на основі порівняльного аналізу графічних робіт С. Юдовіна і М. Фрадкіна.

Ключові слова: єврейське містечко, графіка С. Юдовіна і М. Фрадкіна, традиційні типажі та образи шtetла, галут і геула, дереворит, лінорит.

Summary. **Kotlyar E.R. Images of Jewish shtetl dwellers in engravings by Solomon Yudovin and Moisey Fradkin.** The article examines the historical and cultural phenomenon of a “Jewish Shtetl”, defines the circle of its typical characters, reveals similarities and differences in perception and artistic interpretation of shtetl characters through comparative analysis of graphic works by S.Yudovin and M.Fradkin.

Key words: Jewish Shtetl, graphics by S.Yudovin and M.Fradkin, traditional characters and images of a shtetl, galut and geulah, xylography, linoleum engraving.

Постановка проблемы, анализ последних исследований. В последние годы особый интерес вызывает изучение еврейской культуры и искусства как части общеукраинской культуры. В этом контексте шtetл¹ (с идиш – «еврейское местечко») является уникальным примером интеграции в украинскую среду еврейского населения с сохранением своей национальной культуры. Со времени исчезновения шtetла как исторического явления и вплоть до настоящего момента эта тема нашла широкое отражение в произведениях литературы и искусства. Анализ графических работ художников, являвшихся выходцами из местечек, позволяет проследить основные аспекты культурного и художественного восприятия шtetла, выявить его наиболее характерные образы и типажы, а также стилистические особенности, способствующие наиболее полному их раскрытию в произведениях искусства.

Цель данной публикации – проследить историческую основу темы шtetла и охарактеризовать выразительные средства в раскрытии образов его жителей на примере сравнительного анализа графических работ С. Юдовина и М. Фрадкина.

Основная часть исследования. Тема еврейского местечка,

характерные образы его обитателей нашли широкое отражение в произведениях двух известных еврейских графиков: петербуржца Соломона Юдовина и харьковчанина Моисея Фрадкина, каждый из которых обращался к одним и тем же сценам традиционной еврейской жизни местечка, выходцами из которого являлись оба художника. Проводя определенные параллели между творчеством двух авторов, творивших приблизительно в одно время, нельзя не отметить безусловное стилистическое сходство и близость восприятия одних и тех же сюжетов, что утверждает в мысли о масштабности штетла и его типичности, как сложившейся единой форме еврейской жизни в Восточной Европе.

Еврейскими местечками («мястечко» (польск.) – «городок»), или «штетлах» на языке идиш, назывались в Восточной Европе, и Украине, в частности, поселения полугородского типа, а также небольшие города численностью до 20 – 25 тыс. жителей, с преобладанием в них еврейского населения, занимавшегося преимущественно торговлей и ремеслами². В связи с культурно – национальной автономией общины, своеобразным бытом и религиозной обособленностью (принадлежностью к национальной иудейской религии) а также тем, что профессиональная деятельность евреев была ограничена властями, евреи в местечках были заняты в определенных профессиях, что влияло на их характерный социальный типаж и, как следствие, узнаваемость образов. Основным родом деятельности евреев были ремесла, торговля, аренда пивоварен, солодовен, рудников, солеварен и т.п. Функции центрального органа еврейского самоуправления выполнял «кагал», возглавляемый избранными учеными мужами с «парнасом» во главе. В местечках также функционировали так называемые «братства» организации, целью которых было решение внутренних вопросов в различных сферах социальной жизни, – существовали погребальное, школьное, профессионально – ремесленническое братства. Центром духовной и социальной жизни еврейской общины была синагога с раввином во главе, а также молельные дома, функцией которых было не только богослужение, но и изучение духовных книг, диспуты и проповеди.³ При синагоге имела должность хаззана или кантора⁴ – руководителя хора, а также служки, отвечающего за обрядовую атрибутику (подсвечники, книги, покрывала и т.п.). Важное место отводилось образованию – в каждом местечке существовала начальная школа – «хедер» с учителем – «меламедом»⁵, и высшее духовное училище – «иешива»⁶. Для отправления различных религиозных обрядов также существовали особые должности: «шойхет»⁷ – резник, «моэль»⁸ – исполняющий обрезание, «сойфер»⁹ – переписчик Торы, и другие. Узнаваемые образы могли иметь и временный характер: так, «бадхон»¹⁰ – свадебный устроитель, и музыкант – «клейзмер»¹¹, играющий на свадьбе, в остальное время могли быть ремесленниками. Еврейские традиционные ремесла также были связаны с

религиозно – бытовыми предписаниями: так, каменщики – камнерезы выполняли резные надгробия – «мацевы»¹², мастера художественной резьбы и литья по металлу производили обрядовую утварь, специально обученные мастера выполняли «рейзеле»¹³ – художественную вырезку из пергамента и «мизрахи»¹⁴ – декоративно оформленные настенные панно. Таким образом, круг образов жителей местечка был, с одной стороны, общим и узнаваемым для всего обширного ареала «черты оседлости»¹⁵, а с другой – отличался яркой самобытностью, что делало данную тему привлекательной для отображения в произведениях литературы и искусства.

Этот традиционный мир штетла с его жителями стал главным предметом творчества обоих художников.

Соломон Борисович Юдовин родился в 1894 г. в местечке Бешенковичи Витебской губернии, учился в Петербурге в школе Общества поощрения художеств, параллельно посещая мастерскую художника Бернштейна. На формирование основной в творчестве художника темы повлияло его участие в еврейских историко – этнографических экспедициях, организованных С. Ан-ским, где Юдовин зарисовывает памятники еврейского народного искусства (здания и настенные росписи синагог, обрядовые предметы, мацевы). В Витебске Юдовин начинает работать как гравер, сначала в технике линогравюры, а затем, с 1921 г. – ксилографии. В 1923 г. художник переезжает в Ленинград. С 1927 г. Юдовин участвует в выставках, в частности, в выставке графического искусства, организованной Ленинградской академией художеств, международной выставке в Монце – Милане и на выставке «Искусство народов СССР» в Москве, где его работы отмечаются дипломами и выделяются критиками, как образцы выраженного индивидуального стиля с яркой национальной окраской.¹⁶

Графический стиль Юдовина неповторим и непохож ни на один из стилей современных ему известных графиков; ему чужды полосы из строго параллельных штрихов, возведенные Фаворским в ранг стиля, или мелкая филигранно – тонкая обработка дерева, стремящаяся к превращению работы в миниатюру. Каждая работа Юдовина исходит от наличия конкретных образов, лежащих в основе данного произведения, художник не вносит в свои композиции никаких отвлеченных элементов, стараясь построить композицию так, чтобы она была декоративна сама по себе, без дополнительного украшательства. Юдовин избежал в гравюре двух возможных крайностей: как абсолютной силуэтности, так и абсолютной линейности. Композиция гравюр строится на заполнении графическим содержанием всей доски; изолированных изображений, случайных фрагментов у Юдовина нет.¹⁷ Жители местечка в гравюрах Юдовина предстают старыми, умудренными житейским опытом людьми с лицами, изборужденными морщинами, и их характерные согнутые силуэты естественно и органично вписываются в пейзаж с покосившимися ветхими

Рис. 1. Юдовин С.Б. Похорони. 1926. Ксилографія.

Рис. 2. Юдовин С.Б. Заставка. 1927. Ксилографія.

*Рис. 3. Юдовин
С.Б. Старик с палкой. 1926.
Ксилография.*

домиками, кривыми улочками, висящим бельем и интерьерами лавочек и ремесленных мастерских. Пространство фона часто изображается в таком ракурсе или масштабе, который играет подавляющую роль по отношению к фигуре. Определенная символика прослеживается также в использовании антуража – керосиновой лампы, часов – символа времени, мизрахов на стене, значимых текстов, помогающих раскрытию образов. Сюжеты и фигуры местечковых обывателей часто «зажаты» в тесные рамки, наличие которых наводит на мысль об отсутствии свободы, безысходности и убогости их существования, что в целом соответствовало действительности. Вместе с тем, в каждом листе чувствуется тонкая поэтика и любовь автора к изображаемому быту, наполненность особым, мистическим смыслом. Этот смысл заключался в понятии еврейского «галута»¹⁸ – изгнании и странствовании в чужих землях, наполненных многовековым каждодневным

ожиданием прихода Мессии и возвращении евреев в землю обетованную.

Очень характерной по настроению для Юдовина является ксилография «Похороны» 1926 г. В приближенном к квадрату формате изображена похоронная процессия из пяти мужчин в лапсердаках и шляпах (характерном хасидском одеянии), движущаяся по центру. На переднем плане изображены три мацевы с читаемыми текстами на надгробиях, выше процессии – три еврейских дома со странными, похожими на черепа лицами, выглядывающими из окон. На черном небе с освещенными луной облаками изображены два всевидящих ока, что создает ощущение прикосновения к вечности, неизвестному пространству за пределами земной жизни. Фигура женщины с воздетыми к небу руками передает диалог человека с Богом, однако в движениях мужчин просматривается спокойствие и покорная вера в божественную справедливость.

По-иному тема еврейского местечка раскрывается в творчестве известного харьковского графика Моисея Залмановича Фрадкина. Он родился в 1904 г. и также был выходцем из еврейского местечка Борзна Черниговской губернии. С 1922 г. учился в Харьковском художественном техникуме, преобразованном в 1927 г. в художественный институт, в мастерской ученика Михаила Бойчука – Ивана Падалки. Под влиянием своего учителя Фрадкин обращается к волновавшей его еврейской национальной тематике, испытывает тяготение к народному примитиву, еврейскому фольклору и литературе, что отражается в его графическом творчестве. Со времени обучения в институте Фрадкин принимал участие в выставках, где его работы отмечались критиками, как «сильные и пленительные», сотрудничал с издательствами в качестве иллюстратора. В период с 1931 по 1971 гг. Фрадкин преподавал графику в политехническом и художественном институтах Харькова.¹⁹

Графическая манера Фрадкина по сравнению с гравюрой Юдовина отличается большей монолитностью, цельностью силуэтов, что было во многом продиктовано школой И. Падалки и ориентацией на народный примитив и монументальные принципы в искусстве. В графической манере Фрадкина прослеживается тональная цельность пятна и тяготение к динамичным ритмическим построениям, а также определенный оттенок гротескности, который вызывает ощущение сходства с рисунком традиционных движений еврейского народного танца, сочетающего мягкую пластичность с ироничной фиксацией угловатого движения и выразительного силуэта.²⁰ Среди образов обывателей местечка, Фрадкин также изображал портных, сапожников, женщин за повседневным трудом, раввинов и меламедов, но в отличие от Юдовина, он представлял их не дряхлыми стариками, а полными сил и физического здоровья зрелыми людьми. Фрадкин использует обобщенный портретный образ, поэтому фигуры жителей штетла носят в его гравюрах узнаваемый типизированный

характер, тогда как образы Юдовина имеют больше индивидуальных черт. В целом психологический настрой работ Фрадкина более позитивный и оптимистичный, чем у Юдовина, что проявляется в соразмерности фигур окружающему пространству, отсутствии подавляющих моментов в тональности, масштабах и размещении фигур в формате. Фрадкин представляет местечко и его жителей с большей долей иронии, нежели страха или мистики, приход мессии воспринимается делом совсем небольшого промежутка времени. Развитие мессианской темы ярко представлено в ксилографии – шмуцтитуле к книге М. Мойхер – Сфорима «Волшебное кольцо». Графический лист имеет вертикальный, приближенный к квадратному формат, композиционный строй работы имеет ковровое решение, т.е. лист заполнен изображением от края до края. Художник создает образ еврейского местечка, изображая на переднем плане реальный пейзаж улицы с деревянной синагогой в центре и жилыми домами недалеко от реки. Река и ее противоположный берег образует линию горизонта, разделяющую композицию по горизонтали на две части. В верхней части, относящейся к пространству неба, в воздухе изображено призрачное шествие к храму. Сюжет графического листа состоит в некоем сопоставлении образов местечка и золотого города – Иерусалима, и свет, разливающийся в одном из окон синагоги и освещающий склоненную фигуру над священным текстом, соединяет содержание этой книги с непосредственной иллюстрацией к ней – за рекой, в дымке, где в реальном местечке находилось кладбище – символ царства иного мира. Основной идеей работы является мечта евреев о выходе из галута и воссоединении в земле обетованной.

Так же как и Юдовин, Фрадкин неоднократно обращается к теме похорон, однако в его работах отсутствует ощущение мрачного предопределения. Факт смерти рассматривается как одна из неизбежных ступеней бытия, не более трагичных, чем все остальные ступени. В линогравюре «Похороны» (варианты были выполнены автором в 1924 и 1927 гг.) погребальное шествие разворачивается в вытянутом горизонтальном формате. Как и в листе Юдовина, изображены шесть мужчин в лапсердаках и характерных местечковых головных уборах, и женщина за ними, однако их масштаб по отношению к формату и служащим фоном стенам домов гораздо более крупный, что снимает ощущение подавленности ситуацией. Более того, ни в поворотах фигур, ни в выражении лиц или в ритмичной структуре листа нет намеков на скорбь или отчаяние, скорее, присутствует деловитое стремление совершить обряд по всем законам, что само по себе дает возможность для благополучного перехода в иной мир.

И все же, несмотря на стилистическую и смысловую разницу в изображении сходных сюжетов и образов штетла Юдовиным и Фрадкиным пространство местечка в творчестве обоих художников предстает цельным, устоявшимся, не зависящим от внешних изменений, законы, по которым

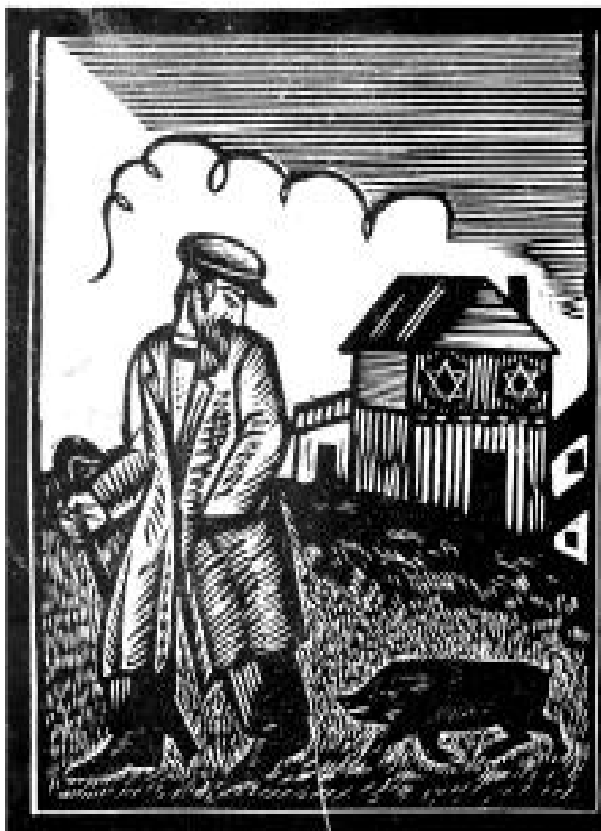

Рис. 4. Фрадкин М.З. Сны. Иллюстрация к книге Менделе Мойхер-Сфорима «Волибное кольцо». 1935. Ксилография. 10,8 x 8,7; л. 21,5 x 14.

Рис. 5. Фрадкин М.З. Похороны. 1924.

Рис. 6. Фрадкин М.З. Иллюстрация. 1927. Линогравюра. 15x11.

живут его обитатели, не подчиняется логическим умозаключениям. При всей мистической окраске гравюр С. Юдовина и ощущении скрытого страха, возникающего при попытке приоткрыть завесу обыденности и проникнуть в истинный смысл сюжета, возникает также уверенность в предопределенности нового витка развития еврейской жизни – на земле ли, на небе ли – однако единый микрокосм местечка воспринимается незбылемым, несмотря на все свершающиеся и грядущие перемены. Таким же устойчивым и неизменным предстает мир штетла в графике М. Фрадкина, однако уже с оптимистичным настроем и надеждой на скорое избавление, которая лежит в основе хасидского направления иудаизма.

Выводы. Еврейское местечко представляло собой уникальное историко – культурное явление интеграции еврейского народа в украинскую среду с сохранением национальных культурных особенностей. Ввиду фактического прекращения существования жизни штетла с отменой черты еврейской оседлости представление о местечке дает анализ произведений литературы и искусства авторов – выходцев из штетлов. Общим для этих произведений является круг узнаваемых тем и образов его жителей. На примере сравнительного анализа графических работ петербуржца Соломона Юдовина и харьковчанина Моисея Фрадкина показаны основные тематические направления и образно – стилистические подходы, применявшиеся для передачи образов штетла. В графике Юдовина штетл предстает загадочным, мистическим местом, благодаря еврейской символике, а также разномасштабности фигур и пейзажа, тональным контрастам, выразительности силуэтов. Обитатели местечка у Юдовина – преклонные старики, сомневающиеся и удрученные, что создает впечатление дряхлости всего мира штетла. У Моисея Фрадкина штетл, напротив, наполнен позитивным и радостным ощущением бытия, его жители полны сил и оптимистичны даже в скорбные моменты жизни. Образ жителя местечка у Фрадкина носит обобщенный, типизированный характер, в его работах пейзаж, архитектура соразмерна фигурам. Однако при всей разнице в подходах у обоих художников присутствуют одни и те же образы ремесленников, ученых – талмудистов, раввинов, меламедов, характерная застройка местечка, а также одна и та же идея надежды на исход из местечка, как исторического пространства галута, в геулу – простор некоего мессианского будущего, связанного с возвращением в Святую землю.

Примечания:

- 1 Краткая еврейская энциклопедия (в 10 т.). – Иерусалим: издательство Еврейского университета, 2001. — Т. 5. – С. 314 – 319.
- 2 Хонигсман Я.С., Найман А.Я. Евреи Украины. (Краткий очерк истории). Часть 1. – К.: Украинско – финский институт менеджмента и бизнеса, 1992. – С. 101.
- 3 Там же. – С. 29 – 31, 101; Краткая еврейская энциклопедия. – Т. 4. – С. 18 – 21.
- 4 Краткая еврейская энциклопедия. – Т. 9. – С. 542 – 544; Хонигсман Я.С., Найман А.Я. Евреи Украины. – С. 31.

- 5 Хонигсман Я.С., Найман А.Я. Евреи Украины. – С. 41; Краткая еврейская энциклопедия. – Т. 9. – С. 753.
- 6 Хонигсман Я.С., Найман А.Я. Евреи Украины. – С. 41–42; 100 еврейских местечек Украины: Подолия: Исторический путеводитель / Сост. Лукин В., Хаймович Б. – Иерусалим-Спб, 1998. – Вып.1. – С. 32; Краткая еврейская энциклопедия. – Т. 2. – С. 782–794.
- 7 Хонигсман Я.С., Найман А.Я. Евреи Украины. – С. 31.
- 8 100 еврейских местечек Украины: Подолия: Исторический путеводитель / Сост. Лукин В., Соколова А., Хаймович Б. – Иерусалим-Спб, 2000. – Вып.2. – С. 61–62.
- 9 Краткая еврейская энциклопедия. – Т. 2. – С. 605.
- 10 Краткая еврейская энциклопедия. – Т. 5. – С. 529.
- 11 Краткая еврейская энциклопедия. – Т. 5. – С. 530.
- 12 Гоberman Д. Еврейские надгробия на Украине и в Молдове. – М.: Имидж, 1993; 100 еврейских местечек Украины: Подолия. – Вып.1. – С. 67-73; Пам'ятки єврейської культури в Україні. – К.: Міністерство культури і мистецтв України. – С. 140.
- 13 Пам'ятки єврейської культури в Україні. – С. 140.
- 14 Краткая еврейская энциклопедия. – Т. 5. – С. 529; 100 еврейских местечек Украины: Подолия. – Вып.2. – С. 87–88; Котляр Е.А. Мизрах: восток в еврейском доме // Anima Regum, 2005. – № 1. – С. 28 – 30.
- 15 Краткая еврейская энциклопедия. – Т. 9. – С. 1188 – 1198.
- 16 Юдовин. Альбом. / Авт. сост. Иоффе И., Голлербах Э. – Л.: 1928. – С. 20 – 23; Казовский Г. Художники Витебска. Иегуда Пэн и его ученики. – М.: Имидж. – С. 210.
- 17 Юдовин. Альбом. – С. 26 – 28.
- 18 Краткая еврейская энциклопедия. – Т. 9. – С. 312 – 313; 100 еврейских местечек Украины: Подолия. – Вып.2. – С. 600.
- 19 Мызгина В.В. Художник Моисей Фрадкин. (К 100-летию со дня рождения). / Шалом. – Харьков, 1994. – № 24; личное дело М.З. Фрадкина из фондов Харьковского художественного музея.
- 20 Соколюк Л.Д. Графіка бойчукістів. – Харків – Нью-Йорк: Березіль, 2002. – 224с.– С.79,100-101; Соколюк Л.Д. Художники – євреї, як представники бойчукізму в Україні. – Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв. – Харків, 2002. – С. 53-61.

Надійшла до редакції 16.02.2007